

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Александр Бек – знаток, металлург, автор «Волоколамского шоссе» и «Нового назначения»

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30, 36, 39, 43, 46, 50, 53, 56, 59, 62, 65, 68.

Нападки щелкопера

«Генеральный прокурор» от беллетристики А. С. Т. обвиняет Валентина Катаева в склонности к переменчивости и злодейству. Для неотразимости он ссылается на И. Бунина «Окаянных дней»: «...приходят белые – Катаев за белых, приходят красные – за красных, что же касается денег, то Катаев сказал Бунину: дайте мне сто тысяч, и я убью любого человека». Он не закавычивает и ссылку на великого И. Бунина, зная о том, что события революции и гражданской войны настолько сложны и многозначны, что понуждают к непоследовательности, метаниям, обусловленным стихийностью этих событий как в индивидуальных, индивидуалистических поступках и проступках, так и в массовых. Бунин доказывает, к тому же опускает то, что и белые охотились за Катаевым, чтобы расстрелять, и красные; от тех и этих он скрывался.

Нужда сопровождается отчаянием, нет-нет и обрывающимся в психопатию. Я не уверен в том, что Катаев не подвергся такой бесконтрольности, когда говорил об убийстве за деньги. Состояние аффекта могло быть неотделимо от царского офицера, молодого Катаева, пережившего тяжелые ранения и отравления газами, которые применяли немцы в первую мировую войну, от состояния поэтического самолюбования эффектом. Со ссылкой, теперь на безымян-

ную Наталью Крымову, А. С. Т. обвиняет Валентина Катаева в циничном приспособленчестве, его тяге к деньгам и золоту. По словам «не менее жестокая (как Бунин. – Н. В.), но более справедливый критик, Наталья Крымова выступила в журнале «Дружба народов» в 1977 году, если, мол, он не ошибается. «Не дай Бог, как говорится, под занавес, «получить такую оценку своему творчеству, ибо критик касается не только произведений Катаева, но и житейско-писательского поведения автора».

Мне неизвестна статья Натальи Крымовой, как и она сама. Но подавать ее отношение к Валентину Катаеву как абсолютно справедливое, законченное, словно она гигантесса критического Олимпа, смешно, убого, крайне бессовестно. Впрочем, чего ждать от щелкопера, который удостоил «Белеет парус одинокий», действительно классическую повесть, типично-наглой, вульгарно-политической оценки: «Буржуа – сволочи, большевики – хорошие»? Уже одно то, что Валентин Петрович дал главным героям повести фамилию своей матери, Бачей, устраняет повод к приспособленчеству и цинизму. Произведение убежденное, вне расчета на приязнь, симпатии, вознаграждения идеологов соцреализма, подобно честному роману об индустриализации «Время, вперед!» и патристической повести «Сын полка», возведенным обнинским хулителем в разряд приспособленческих.

Пожиратель асфальта

Приговор, вынесенный «генеральным прокурором» от беллетристики Валентину Катаеву, преждевременный: им не учтены поздние вещи Валентина Катаева «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», уже

написан «Вертер», «Юношеский роман», «Сухой Лиман».

С моей стороны было бы опрометчиво вдаваться в их рассмотрение: я не биограф, не исследователь творчества В. П. Катаева и не судья его человеческих свойств. Читая эти вещи, я что-то принимал, чем-то восхищался, чему-то горестно удивлялся, чего-то гневно не признавал... И коль я что-то оспариваю, защищаю, против чего-то негодую, это связано с моим опытом взаимоотношений с Валентином Петровичем. И я сейчас не умолчу против ткаченковского вранья о нем, отдельных клевет на него. Ни разу я ничего не слышал из уст Катаева о вождах: ни о Ленине, ни о Сталине, ни о Хрущеве, ни о Брежневле. Думаю, что, в основном, он жил вчуже от них, а Сталина сторонился. К звезде Героя Социалистического Труда он не рвался, никогда не упоминал о том, что ему желательна та или иная награда, премия. Я слыхом не слыхал, чтобы кем-то из окружения Катаева распускался слух о его отъезде за границу ради надежды на получение героя.

Сосредоточение на себе до умерительности олигофренично в Ткаченко. Атарову и ему, шедшим по Переделкину, повстречался «старик, сухонький, сутулый, в ношеном темном плаще, каковые носили тогда переделкинские сторожа». Чего-чего, а офицерской стройности Катаеву было не занимать. И франтоватости. И никаких таких сторожей в писательском городке не водилось: милици-

ский пост охранял Переделкино. «Катаев кивнул на приветствие Атарова, а меня окинул пристальным, как я подумал тогда, «охватывающим» взглядом густо-коричневых глаз, будто «отложил» мой облик в запасник своей памяти. Зачем? А так, по приращенной привычке все видеть, обо всем знать, и на всякий случай, опять же. Вдруг понадобится для «списания с меня какого-либо персонажа». Упивайся собой да раскидывай умишко пошире клеточки в тетради первокурсника.

С Ткаченко Катаев не был знаком, зато за главредаторство в «Юности» он видел-перевидел сотни литераторов, и было ему с кого списывать. А за годы на фронте сколько он видел-повидал людей! Так что сокровищница его наблюдений битком была набита, и он не нуждался в пополнении, тем более летучих. Якобы у Катаева была «тяга к деньгам (вспомним Бунина) и золоту», что Н. Крымова и А. Ткаченко выводят из такого доказательства: «Как он нежно и любовно, любясь, описывает свои золотые вещицы – ручку с золотым перышком, портсигар, колечки, цепочки...». В очерке «Поездка на юг» есть метафора: паюсная икра асфальта. Но это не значит, что изумительный мастер образности ел асфальт, а следуя их центральному, утрированной линии, не просто ел: был пожирателем свежизготовленного асфальта.

Дворянское хлебосолюство

Встречаясь с Валентином Петровичем Катаевым на семинарах в Литинституте, у него в кругу семьи на даче, в Коктебеле на отдыхе, прогуливаясь с ним в Переделкине по Малому и Большому кругу, я не запомнил и единственного случая, чтобы он со вкусом, мечтательно заговорил о деньгах, о золоте, о драгоценностях, о богатстве. А вот хлебосолюство его дворянского, русское запомнилось. Студентом посчастливилось мне обраться на даче, где некоторое время порознь, до ареста, жили писатели высокой золотой пробы – Бруно Ясенский и Исаак Бабель. Идешь по городку; если ты не видишь Катаева, он тебя окликнет, поздоровается и тут же:

– Воронов, зови студентов, накормлю от пуза. Будут свежие пирожки, курник, Наташа испечет в духовке (Наташа – домработница, родом с Украины. – Н. В.). Напитки выставлю. Приходите через час.

Соберу ребят, кого застану в городке. Приводил прозаика Владимира Кривенченко из местечка Злынка Брянской области (царь Петр I хотел заночевать в том местечке, не пустили, и припечтал он им негодующее неистребимое имя Злынка); поэт Леонида Кривошекова из Верного, тогда – Алма-Аты, фронтového возлюбленного и первого мужчину Юлии Друниной (какие яблоки благоухающие, громадные, старинного русского сорта – апорт – чемаданами привозил он после каникул!); воронежца Егора (Георгия) Исаева, вдохновенного поэта и певуна (как же кристально-звонко

он запузиривал вместе с моим земляком Станиславом Мелешиним арию Каварадосси, аж в разгульно-девичьем Сукове было слышно); стихотворца фронтového поколения Тембулата Балаева

из Орджоникидзе, раньше Дзауджикау, Владикавказ, именовавшего себя Братец Волк, при случае и без случая с испуганной торжественностью твердившего, что Сталин не грузин, а осетин, не Джугашвили, а Джугаев; самого юного литинститутца Альгиса Чекпуолиса молниеносной сообразительности на благородные дела: мы с ним создали коммуны, чтобы не голодать, при общегитии, которая находилась во флигеле возле квартиры профессора Леонида Ивановича Тимофеева; своему дяде, председателю колхоза в Литве, Альгис посылал письма с телеграфа под чужой фамилией до востребования, страшась, что дядю угрожают лесные скрытники; позже Альгис работал на Кубе, узнал цену американским бомбейкам, воевал в странах Латинской Америки в отряде соратника Фиделя Кастро Че Гевары; возглавлял в Испании корреспондентский пункт Агентства печати «Новости», публиковался в газетах этой страны под псевдонимом «Полковник Воронов». Изредка к нам присоединялся прозаик и сценарист Борис Васильевич Бедный, женатый на таинственной герцогине де Шаврез, а в действительности – на яснокой красавице Маше, работавшей в Коми-республике офи-

цианткой и бортпроводницей; иногда приходил, не приглашенный, поэт и прозаик Виктор Авдеев, зачисленный в Литинститут вне конкурса и без экзаменов по рекомендации маршала Георгия Константиновича Жукова; всю войну Виктор, как он сам представлял себя, «сидел при Жукове на секретной связи»; Виктор время от времени записывал, обожающий поговорить о своем гении, о том, что, если бы не Максим Горький, то Нижний Новгород назвали бы не Горький, а Авдеев; когда в кино или в мемуарах Виктору попадались моменты, унижающие Жукова перед Сталиным, он, негодуя, мне рассказывал, по доверию, о том, что Жуков в телефонных разговорах со Сталиным пользовался матом, и особенно яростно Георгий Константинович крыл Сталина во время подготовки ко взятию Берлина: Жуков представил в Ставку свой план Берлинской операции и на возражения Сталина поливал его на чем свет стоит: ты, мол, ни за что, ни про что погубил миллионы... Ты дай мне моторы, побольше моторов, чтобы меньше погибло солдат и офицеров.

Для окончательного обсуждения своего плана Жуков улетел на самолете в Москву. Едва Виктор узнал, что Георгий Константинович вернулся, он рванул из блиндажа, и в миг, когда отворилась дверь, угодил головой ему в живот. Маршал отлетел, но устоял, не рассердился, а крикнул: «Я победил! Мой план утвержден!» – и обнял Виктора. Авдеев хвалил генерала-командира Белова, который в книге вспоминал о своей совместной с Георгием Константиновичем поездке в Кремль. Сталин располагался в бомбоубежище, где стены были обтянуты серым холстом. Шел разговор о защите Москвы. У Белова создалось впечатление, что Верховный Главнокомандующий не Сталин, а Жуков.

Застолье у Валентина Катаева отличалось переизобилием еды. Пирожки румяно-коричневые, начиненные яйцами с зеленым луком, мясом, ливером, изолота-коричневый курник, испеченные домработницей Наташей, шли нарасхват (сказывалась тоска по домашним печеностям), хотя тут были всяческие колбасы, даже копченые, не портящиеся в тропическую жару, сыры, включая зелено-крупчатый рокфор, рыбные изыски, вроде семги и чавычи, нарезанные пластинками, селедочное масло, салаты и фрукты, вплоть до королевских ананасов с Цейлона, миндаль, осыпанный солью, жареные грецкие и земляные китайские орехи...

Выбор напитков был мало разнообразен: яблочная шипучка, довольно вкусная и пьянящая, из писательского магазина, румынское красное вино «Кабинет», коньяк «Камю», то есть то, что охотно потреблял Валентин Петрович. Водку, ежели мне удавалось его уговорить, обычно прихватывал из своего холодильника Борис Бедный. Малость он квартировал с герцогиней де Шаврез на литфондовской даче Павла Филипповича Нилина, потом снимал две комнаты у сценаристки Софьи Виноградской, которой принадлежала часть спорного дома, из-за клетушек в котором судился с уборщицей Дома творчества Ксенией знаток металлургов прозаик Александр Альфредович Бек, автор героической повести о защите Москвы в 1941 году «Волоколамское шоссе» и скандального, притом замечательного романа «Новое назначение»

Продолжение следует

> Георгий Жуков в телефонных разговорах со Сталиным не гнушался крепких выражений